

«Любовь к Богу можно выразить только любовью к людям»

Пять вечеров певицы Лины МКРТЧЯН и обозревателя «КП» Зои ЕРОШОК

Ее реальная жизнь — сны. Она живет в абсолютно перевернутом мире. Точно так же, как обычно люди говорят о ночных видениях, она — о своих дневных происшествиях. В пленительных «Белых ночах» Федора Михайловича Достоевского есть герой без имени, он обозначен просто Мечтатель. Она любит себя с ним сравнивать. Нет, не то, что она во сне беспрестанно мечтает, но мир ее грез и ее проекции биологически, что ли, не совпадают с реальной средой. Мир ее грез чересчур опережает действительные события. И она в своих снах чувствует себя более естественной, живой, существующей и несомненной, чем в жизни, которой живет, этой кажимостью, видимостью, реальностью. А день воспринимает примерно, как Микеланджело. Помните, его четыре знаменитые фигуры во Флоренции? Фантастически пленительное, полное надежд Утро. Конвульсивная, всепоглощающая, страшная Ночь. Вечер, безумный, красоты невообразимой. И — прекрасный, не имеющий лица День. (День — прекрасен. Но у него нет лица.)

Лина Мкртчян родилась в Одессе, городе солнечном, пыльном и веселом, но веселого его не разделяла. Море было единственной отрадой. Целыми днями она пропадала у моря, в море и однажды поняла, что ей достаточно звуков моря. Море способно заменить собой людей и весь мир.

Уехав из Одессы, она море потеряла.

Едва запела, голос ее много показался странным и непонятным.

Ее воспитывали бабушка и дедушка, простые, кроткие, бедные и беспрестанно добрые люди.

В семнадцать лет уехала в Москву.

Бабушка соседи указывали: в Москве — настоящие холодные люди, быстро научат и ее быть такой, станут нормальным человеком — твоя уродина! Когда впервые опустилась в московское метро, разозлилась, вывалились толпы, кто-то толкнул ее, и она обернулась, чтобы, когда ей скажут: «Простите», ответить: «Что вы, что вы...» Но никто и не подумал перед ней извиняться, а толкнули еще и еще. Она закрыла лицо руками и зарыдала. Фантастический подпольный мир (да) и есть Москва?

Поняла и консерватизм. И увидела, как, изображая из себя памятник, очень скромный человек Петру Ильичу Чайковскому сидит в кресле, будто пьяный, развалился.

«Через эту фальшь, через это поприще, этот цинизм я почувствовала весь обмен своим будущим жизнью».

В первые годы жизни в Москве часто приходила в зоопарк. Приходила и клетке с морскими котиками, была стоявшая вода напоминала ей запах моря. Писала бабушке каждый день письма. Бабушка присылала посылки с вареньем, а посылком передавала банки с пахтетом и каштарами с бульоном. Бабушкиной едой кормила всех подряд, сама подчас оставаясь голодной.

Шли годы, а она так и не стала адекватной. Ни тому, чего от нее требовали. Ни тому, что видела.

Ее отовсюду гнали. Она училась в трех школах и трех вузах. Ей до сих пор не верится, что все кончилось. Впрочем, ничего, конечно, не кончилось.

Ей никогда не хотелось никем стать. Она хотела быть самой собой.

У нее очень редкий голос — контральто. Она поет музыку семи веков, от итальянских духовных песен XIII века до той, что пишется сегодня для нее и ей посвящается. Среди ее уникальных романтических программ — новое прочтение Шуберта, Малера, Грига, Вагнера, Брамса. В ее репертуаре свыше 700 произведений. Она делает четыре программы в год. В опере Николая Каретникова «Тиль Уленшпигель» исполняла пять женских партий.

На ее вечерах не звучит слово «концерт». Она и сама не знает, почему избегает этого слова. Ее ведущие произносят: «Добрый вечер! Сегодня не поединок...»

Так складываются вечера-монографии.

Судьба свершилась благодаря церкви и Пушкину. В детстве она тяжело заболела. Тогда и пришла к Богу. С двенадцати лет читала Бердяева, Флоренского.

Прежде просто ходила в храм. А, заболев, приехала к духовной литературе.

Что касается книг, всегда находила то, чего хотела. Если ей не могли дать с собой, читала и переписывала любимые философов и поэтов у кого-то дома.

«Заболела — и слава Богу. А то убила бы в себе Божий дар — любящих им от большого здоровья».

Лина сказала это очень спокойно.

На журнальном столике, за которым мы сидим, книги, цветы и много, много таблеток.

Самый главный ее роман — Петербург — на чала в капелле, где она впервые пела монографию памяти Пушкина. С тех пор этот город спасает ей жизнь.

Она рано потеряла своего

Учителя — Полину Львовну Тронину, доцента института им. Гнесиных. Носителя традиции русской вокальной школы.

«Я пятнадцать лет пою по памяти. С тех пор, как умерла П. Л., у меня как бы раслоилось не только сознание, но и способ восприятия. Я стала привыкать себя слушать со стороны ЕЕ душой. И привыкла. Нас теперь всегда трое — мой голос, я, как человек, им владеющий, отходящий в сторону, чтобы слышать его, и она. Но она как третья часть меня. Все, что я делаю, я делаю «втрое». Это меня очень изменило. Постепенно открыл нечто такое — ну что-то, что как бы сокрыто от людей...»

Жизнь каждый день проводит ее изменить свой выбор. Стать, как все.

То Лина просыпается с мыслью, что в ней не осталось сил, нет жизни. А то вдруг становится страшно, что сил слишком много. Но нет возможности осуществить все свои несбыточные, фантастические замыслы и идеи, что живут в ней какой-то странной жизнью, пожирая друг друга, не уходя в таком небольшом пространстве внутри.

«Все живет только внутри меня, и никакого исхода...»

«Когда кончается воздух» — ничто не в силах дать то, что она обретает в храмах и монастырях.

О том, чего у Лины нет. У Лины нет: а) званий; б) награды; в) ни единой фондовой записи на радио; г) своей сцены; д) концертов; е) жалованья; ж) гарантированных гонимых; з) возможности записываться; и) гастролей; к) родных; л) менсенов; м) покровителей; н) роля; о) магнитофона; п) социальной применимости... Я могла бы еще долго перечислять, чего у Лины нет, но, боюсь, мне не хватит алфавита.

Дане со своими бесконечно любимыми, очень красивыми людьми — мамой Анной Владимировной и братом Тиграном — она разлучена. Они живут в Одессе, городе, который по-прежнему Лину отторгает. В Минске, например, она выступает дважды в год, а в Одессе в лучшем случае один раз в три года.

О том, что у Лины есть. Друзья. Ангелы-хранители Петербурга, Царского Села, Павловска, Минска, Риги, Сарова, Челябинска, Ялты.

И тут я должна сделать горькое признание. Порой у разного рода знаменитостей трудно выжить, кому они обязаны успехом, кому признательны. Лина же и каждому моему приходу заготавливала столь длинный список своих ангелов-хранителей, что я холодела. Одно только поименное их перечисление заняло бы по меньшей мере газетную полосу. Как быть? Произвольно, наугад выбирать имена? Не могу себе позволить. Да и Лина бы не простила. И я, увы, не называю никого. Но суть ведь не в этом. А в том, что Лина — не одна на свете. Эти люди просты и незнатны. Они не могут, к примеру, помочь с гастролями за рубежом. Но она их любит, в них черпает силу, терпение, надежду.

Лина очень просит меня написать о замечательных почти неизвестных певицах Ольге Бузиной, Валентине Паниной и Асиме Папая.

С горьким сожалением Лина говорит о «любимом» голосе Володи Чернова, вынужденного покинуть Родину.

«Любовь к Богу можно выразить только одним — любовью к людям».

Тридцать лет находящегося в симферопольском изгнании и забвении композитора Александра Сабитовича Караманова Лина считает самым мощным духовным музыкантом, самым сильным и самым поруганным человеком из живущих гениев. Полтора года она с режиссером Александром Фатеевым работала над телевизионной передачей о Караманове, задумав цикл «Великое неизвестное» — о живых людях в русской культуре. Я видела этот фильм. Гениальная музыка. Светлое лицо почти никому не ведомого Александра Сабитовича. Вдохновенный рассказ Лины. Первые отечественные классические клипы, автором которых является опять же она, Лина. Прекрасная работа! Но это в скобках. А за скобками: передача прошла в эфир по российскому каналу 16 мая с. г., и почти тотчас же ее режиссер Александр Фатеев был уволен. Руководитель т/о «Артель» некто Крюков сказал: «Кому нужно это елозиные по иконам». Уволив Фатеева, Крюков запретил ему появляться на ТВ; видя же, как, будучи уже уволенным, Фатеев лобовывается повтором передачи о Караманове, Крюков открыто угрожает уничтожением даже незавершенных работ.

Лина пошла на прием к Лысенко. Нигде никогда не служившая, отродясь за себя не просившая, она вообще впервые переступила порог кабинета.

Лысенко был крайне любезен. Пообещал: 1) восстановить Фатеева на работе немедленно; 2) повторить передачу о Караманове; 3) дать

Фото Александра БРОНШТЕЙНА.

возможность продолжить цикл «Великое неизвестное».

Надо ли говорить, что ни единого из своих обещаний не сдержал?

О ней не написано ни одной музыкальной статьи.

Музыковеды бьются на ее концертах, иные шепотом признают, что после ухода с мировой сцены великих камерных певцов Дитриха Фишера-Диска, Элизабет Шварцкопф, Петра Шрайера сегодня нет певицы такой значимости, как Лина Мкртчян.

Но нашим музыковедам, всю жизнь усердно писавшим только о народных артистах КПСС, прежде о Лине даже упоминать запрещалось. А сегодня? Лучшим из них, быть может, стыдно, да и поздно «перекрашиваться». А худшим? Ну еще не хватало о худших говорить. И так тошно.

Пятнадцать лет существует Лина Мкртчян в своей профессии — и ни одной записи в музыкальной редакции ТВ. Журналисты пишут о ней как о личности и почти никогда — собственно, как о певице со своим направлением в искусстве.

От чего зависит Линина жизнь?

От запястья.

Четыре ее альбома, три русских и один немецкий, — вот уже четвертый год как заморожены фирмой «Вист», которая теперь называется а/о «Лад». Для того, чтобы издать — их надо выкупить.

Книга существует, когда ее читают. Картина жива, когда на нее смотрят глаза людей. Голос, когда звучит.

Если после нее не останется записей — ВСЕ становится как бы недоказуемым.

Теперь, чтоб записаться даже на фирме «Мелодия», нужны спонсоры, большие деньги.

Она не может давать объявления в газете с призывом о помощи. Слово «спонсор» не переносит. Умный и интеллигентный человек! Уповать на это в наше время — уповать на чудо. Но именно такое чудо могло бы спасти сорок (!) ее монографий, спасти ее судьбу. А пока...

Лина сказала это о себе и своем пианисте Жене Талисмане (6 ноября с. г. исполняется десять лет их совместной работе) с болью.

Лина говорит о Талисмане как о единственно реальном, что у нее есть в жизни.

Еще от чего зависит Линина жизнь?

От зала (комнаты, кельи) для репетиций.

Как-то на одном из благотворительных вечеров к Жене Талисману, пианисту Лины, подошел Эрнст Александрович Арустамян, никому не известный человек, возглавляющий некую фирму «Клеопатра», и, кроме слов благодарности, предложил реальную помощь: оплатил за помещение в аренду колокольни Знаменского монастыря, директор которой — Юлий Михайлович Толмачев — также стал кинуться оплачивать. Лине и Жене, девять лет не имевшим пристанища, есть где репетировать. Но — до 1 января 1993 года. А дальше — опять обрыв, провал, черная дыра.

«Тему денег» Лина обозначает как самую страшную силу, с помощью которой Дьявол ныне правит бал в России. Спаси от нее могут только люди со знаком культуры — знаком вечности — на лице...

Лина часто приводит такой пример. Когда Сталин и Кага-

нович отдали приказ взорвать храм Василия Блаженного, гениальный русский реставратор Барановский сказал спокойно: «Взрывайте вместе со мной».

Под маленьким швейцарским городом Монте в горах находится замок Ко.

В сорок шестом году шесть богатых и глубоко верующих швейцарцев купили его и сделали Международным центром за моральное перевооружение человечества.

Здесь собираются люди, с которыми считаются самые крупные политические деятели мира.

Лина Мкртчян — не только первая русская, певшая в Ватикане, но и первая русская певица, которая пела в замке Ко на христианском конгрессе.

Лина Мкртчян — в фильме Александра Сокурова «Российская элегия».

По первоначальному замыслу никто не увидит эту картину, кроме обитателей хосписа (больницы для умирающих). Но потом лента становится другой, полнометражной и, быть может, выйдет на экран. Новелла о снеге. О море. О лесе. Об озере.

В одной из новелл Лина обращается к умирающим от рака людям. Шепчет им, как бы каждому в отдельности — какие-то свои единственные слова. Шепчет и поет.

А еще Лина будет петь «Песни умерших детей» Малера на старинном немецком кладбище в другой новой сокурской картине под условным названием «Малер».

Александр Николаевич сказал мне, что непременно запишет это пение на пластинку.

Дай-то Бог!

Ее не выпустили в Париж по личному приглашению папы Римского, а она радуется уже тому, что папа ее помнит и молится за нее, и радость эта перекрывает горечь от несостоявшейся поездки.

(За год до этого Лина была в Ватикане и пела перед папой Римским православную музыку).

Впервые в жизни попадает благодаря Пушкинскому фонду в Мадриде на гастроли в Испанию, впервые в жизни поет за гонимых. (Прежде по приглашению монахов из аббатства Арецидо пела за рубежом в храмах только с благотворительной целью). И тут же, на бульваре в Барселоне, у нее вырывается сумочку, где весь гонимый, загранпаспорт и т. д. Ее реакция?

«Господь помог. Именно благодаря гастролям в Испании я обрела надежду на мое музыкальное будущее с любимым дирижером Евгением Владимировичем Колобова».

Одиннадцатого июля с. г. в Большом зале Петербургской филармонии Лина Мкртчян пела с оркестром Евгения Колобова. Это была тройная премьера. Впервые Колобова исполнила духовную музыку. Никогда прежде «Слава Матер» Вивальди не звучал в Петербурге. И Лина как бы материализовала один из своих снов.

Люди из отдела культуры ЦК КПСС, что пятнадцать лет подряд спускали в филармонию и консерваторию «установки» на Лину Мкртчян, сегодня по-прежнему в силе и в власти, просто переменили хозяина, работают директорами СП, возглавляют крупные отечественные и зарубежные культурные фонды.

«Ни в какие игры никогда не играла, нигде не состояла, даже в вашем любезном комсомоле...»

Когда я ей впервые позво-

нила, она на интервью согласилась тотчас, но сказала: «При условии, что вы непременно напишете: я плохо отношусь к «КП». Потом призналась, что газету нашу не читает. Просто для нее «Правда», да еще и «Комсомольская» — уже достаточно...»

Ее голос нельзя рассматривать в отрыве от ее мировоззрения.

Странность, переменчивость тембра — и судьба, которая наиболее полно и достоверно отражена в голосе.

Даже ничего не знающие о ней люди, а только услышавшие ее голос на вечере Глинки или Пушкина, сразу понимают, кто она, каков ее путь.

Основное стремление: к отречению от самовыражения. Молитвенное отношение к слову — возвращение к русской певческой традиции.

Лина-певица тождественна Лине-человеку. Только анак равенства. Абсолютное совмещение.

Телефонный звонок. «Лина? Хотите зарубежных гастролей? Надо спеть с хором «Русь». — «Это невозможно... Как же... Я никак не могу». — «Лина! Спокойно! Вы споете всего один раз с этим хором, а дальше у вас будут контракты, что хотите».

Но для нее петь с «кооперативным» хором «Русь» — все равно, что на афише своей вдруг написать: «Я люблю тебя, Россия».

Она любит Россию. И вся ее жизнь — ОТ этой любви. Но есть вещи «неговорибельные».

«Сколько прекрасных стран в мире, но только единственную — Русь — называю Святой. Именно поэтому Дьявол и избрал ее на поругание».

«Нынешняя демократия — Демократия!»

«Возможно ли такое, чтобы страданиями русских — этих, теперь выходящих, никому не нужных стариков, брошенных детей, нищих врачей, учителей, библиотекарей — дать движение к рынку? Ценой одних человеческих жизней опять добывать светлое будущее для других?»

«Я помню, как пожилой норвежец, один из лидеров движения в Норвегии, что способность человека к добру делает демократию возможной. А способность человека ко злу делает демократию обязательной».

«Когда в нашем правительстве появятся люди со знанием культуры на лице? Как они могут мыслить, если даже говорить не умеют?»

«Юрий Лужков, мэр Москвы, год назад подписал указ о передаче театра «Эрмитаж» «Новой опере» Евгения Владимировича Колобова. Но парковая мафия сильнее мэра, чей указ им не указ. Мафия купила Москву. Теперь добралась до культуры. Все больше становится людей, для которых ничего, кроме долларов, не существует».

Среди ее неосуществленных сценариев и проектов, которые «никогда не будут сняты», есть один — память Шалина и Рахманинова. Это как бы их сон о России. Сон Шалина и Рахманинова. Через их любовь к России, через их последний сон о России Лина хотела бы выразить свою любовь к Отечеству.

«Хотя я здесь живу, и хотя я ничто перед ней — Россией, — я никто, я просто трава, но мое отношение к ней, мои чувства к ней очень близки к тому, что испытывали эти люди, умирая там». (Плачет).

Александру Сокурову принадлежат такие строки: «Не завидую великой Лине Владимировне. Страшная мука и наказание обладать талантом такого масштаба. И совсем не остается никакого места для человеческой жизни. Я бы не смог прожить так ни дня».

«У меня с детства было: всегда танулась не к тем, кто мне хорошо относится, а к тем, кому я нужна».

Пока она пела лишь для своих соотечественников, ей казалось, что может быть нужна только несчастным или странностям людям. Но, побывав за рубежом, поняла, что может быть понята любой душой.

О чем мечтает? Мечтает спеть для первой русской эмиграции. За рубежом. Один бы раз спеть для стариков в храме Александра Невского в Париже. Записаться на крупный западной фирме звукозаписи. Мечтает петь музыку Авета Тертеряна. Думала ли об эмиграции? «Нет, тут не только мои могилы. Но и то, без чего я не могу петь. То, что я пою».

Свидетельствует замечательный русский писатель Николай Игнатьевич: «Помню церковь в горюющей Пушкино год Москвой. Крещение. Сорочаградский мост на дворе. Идет служба. Непрестанно летят вода из шлангов

в большие ванны, установленные в правом приделе. Очень много людей, в руках — банки, бидончики, канистры; шершавое тихое перемещение старческих ног в валенках по плитам каменного пола; идет служба. И голос Лины, вдруг как бы сметающий хор, заполняющий храм, растворяющий все собой, — невероятный голос. И странное чувство: именно здесь я, услоно неверующий и безусловно вневременной, вполне немужской, в этом мощном и глубоким низким женским голосе слышал что-то такое, чего не знал прежде о собственной стране, промывшей, как сам этот храм, исторический, чашей чуда и святой воды. Она приехала сюда в мороз, чтобы спеть в праздник для этих старух с их бедной посудой и чистой верой, для этого священника с русским лицом, какие почти исчезли из нашего повседневного обихода, для себя, для меня... И она бы никогда не спела бы так, если б ее искусство не было для нее — служением, ее талантом — даром Божиим, а жизнь — усилием ничем против дара этого не согрешить».

Она поет в старых церквях, где службы давно не ведутся. У нее есть любимые батюшки.

Отец Димитрий Смирнов когда-то ей жизнь спас. Поднял после очередных похорон. У отца Димитрия она пела на клиросе в Кресто-Воздвиженской церкви.

Отец Валерий Суслин сейчас расширяет оскверненный храм при 1-й детской городской больнице на Полянке, 20, и Лина просит меня обратиться ко всем, кто любит Иверскую Божию Матерь: храму нужна помощь.

Однажды композитор Владимир Дашкевич, которого Лина очень ценит, предложил Лине Мкртчян исполнить «Ревненью» Ахматовой.

Первой «Ревненью» Ахматовой исполнила Камбурова.

Отказываться было больно и тяжело. «Ревненью» — несомненно, Лина — исполнила. Но после Лены она не смогла.

«Никто меня не понимает так, как Елена Камбурова. Не только то, что я делаю, но и во имя чего. Она — пример того, как единственный человек может представлять целое направление. В каждом направлении есть несколько представителей, несколько тысяч, сотен, десятков. А Лина — одна. Совершенно уникальная субстанция русской культуры».

По определению, реальная культура — культура, которая не сводится к их посещению, а — в чувстве бытия или небытия.

Я спросила Лину: кто-нибудь из живых делает сегодня примерно то же, что вы?

И Лина ответила: неизменно выше, лучше, боготворима мною Наталья Макарова. Единственная в мире балерина с одухотворенным телом.

«Все то, что недоказуемо, есть я — доказывает она. Это моя природная предположенность к той высоте, когда вечно парящий над миром дух зависает на мгновение вопреки времени, и — к странно — внезапно — непонятной перемене внутри сочинения, когда все истончается до такой степени, что кажется — еще мгновение, и все погибает на глазах у всех».

То, что у России украли искусство Натальи Макаровой, Лина воспринимает как очередное уничтожение храма.

Мераб Мамардашвили писал: «Живое лишь дает о себе знать своим присутствием, а ухватить различие живого и мертвого в понятии мы не можем».

Лина — очень красива. Варит очень вкусное варенье.

Любит песни Юрия Шеачука, Андрея Мисина, Игоря Талькова.

В сегодняшней России Лине дорог образ певицы Евгении Смольяниновой.

Из ныне живущих зарубежных — Роберта Холла, Кати Ричарелли и Пласидо Доминго.

«Вся моя жизнь — мечты и грезы. Сны и чаяния. Упоования и надежда. Вся жизнь».

Любовь к мертвым у нас черта национальная.

«Когда мы научимся любить живых, любить прежде всего друг друга, мы почувствуем живое присутствие Бога на Земле».

Эту молитву прислал Лине Сергей Мерсесович Григорян, случайно услышавший ее благотворительный вечер в храме маленького швейцарского гонимого Вева.

МОЛИТВА

Как легко мне жить с Тобой, Господи! Как легко мне верить в Тебя! Когда растопляется в недоумении или сникнет ум мой. Когда уныние мое увидит дальнее. Сегодняшнего вечера и не знаю. Что надо делать завтра. Ты снискаешь мне несую уверенность, что Ты есть и что Ты позаблудился.

Чтобы не все пути добра были закрыты. На хребте славы земной я удивляюсь.

Оглядываясь на тот путь, который базальность — Сюда, откуда и я смог Человечеству отблеск лучей Твоих. И сколько надо будет еще еще их еще.

Отражал — Ты дашь мне. А сколько не успею — Значит, Ты определил другим.

А. И. СОЛЖЕНИЦЫН.